

Мой лук был слаб, стрелы не летели далеко, поэтому мне пришлось подогнать Фэйлуна вплотную к самой крайней добыче. Заяц, бежавший вместе со стаей, сначала не выкладывался, но, увидев, что я за ним гонюсь, рванул что есть сил и в мгновение ока скрылся из виду. Однако, прежде чем я успела замедлиться и начать искать, из травы выскочила гончая и вспугнула ещё нескольких зайцев.

Я не ожидала появления собаки, на миг замешкалась и упустила добычу. К счастью, с той же стороны выскочили другие. Я поспешно натянула лук и выпустила добрый десяток стрел, прежде чем одна наконец вонзилась в тёмно-серого зайца — не в жизненно важное место, а лишь в область у бедра. Я уже собиралась стрелять снова, но заметила, что заяц совсем мал, может, даже не взрослый, и снова заколебалась. За это мгновение гончая уже набросилась на него, схватила и понесла к псарю. Тот снял добычу, подбежал к моей лошади, опустился на колени и, воздев зайца над головой, с сияющей улыбкой произнёс: «Госпожа подстрелила серого зайца!»

Охранники позади тут же начали подхалимски восхвалять мою удачу. Казалось, они забыли о десятке промахов, только и твердили, что для моего возраста с первого раза сразить зайца — великая удача, что я настоящая героиня и достойная дочь двух Шэнжэней, впитавшая их уроки.

Я увидела, что заяц уже изуродован, но его лапки ещё дёргались, и на лице у меня невольно отразилась жалость. Вэй Хуань, заметив это, выхватила нож, спрыгнула с коня и направилась к псарю. Я испугалась: «Что ты делаешь?» Но она ловким движением пронзила зайца насквозь, и тот затих.

На псаря брызнула кровь. Он достал из-за пояса белый платок, но не стал вытираться, а с подобострастной улыбкой протянул его Вэй Хуань: «Госпожа, оботрите руку».

Вэй Хуань взяла платок, небрежно вытерла пальцы и бросила его на землю. Псарь, польщённый её вниманием, ничуть не смутился, лишь расплылся в улыбке так, что лицо всё покрылось морщинами. Я поморщилась — почему вокруг Ли Жуя только такие люди?

Вэй Хуань вернулась. Без чьей-либо помощи, не касаясь стремян, она ухватилась за седло и легко вскочила на лошадь. Я ожидала, что окружающие начнут восхищаться её ловкостью, но не услышала ни звука. Бросив взгляд на тех, кто был позади, я хлопнула в ладоши: «Отлично!» И лишь тогда раздались скупые, неискренние похвалы.

Вэй Хуань не обратила на них внимания. Слегка повернувшись ко мне, она улыбнулась: «Жаль, шкурка испорчена. Преподнеси её Вашему Величеству — она бы обрадовалась».

«В следующий раз, когда добуду что-то получше, тогда и преподнесу, — ответила я. — А зайца — несерьёзно». Я говорила это, наблюдая, как псарь перевязывает зайца алой лентой и кладёт в сетку, которую несколько всадников принялись с гордостью демонстрировать.

Вид того, как они носятся с добычей, вызвал у меня тошноту. Я подняла глаза на Вэй Хуань: «Заяц уже был ранен и всё равно бы не выжил. Зачем ты его добила?»

«Если бы я была ранена и обречена, я бы только благодарила того, кто избавил бы меня от мучений, — ответила она, а потом добавила:

— Ты редко охотишься, да? Сходи ещё разок-другой — привыкнешь».

Хотя я понимала, что она права, на душе всё равно было неприятно. Я отдала лук слуге и

сказала: «Я устала. Давай вернёмся. Ты выиграла». Я так увлеклась погоней за победой, что даже не заметила, сколько добычи у Вэй Хуань. Однако, по логике вещей, она должна была настрелять больше. К моему удивлению, Вэй Хуань ответила: «Я ничего не поймала. Ты выиграла».

Я заподозрила, что она нарочно мне уступила, и нахмурилась: «Не надо мне поддаваться. Я знаю, на что способна».

Вэй Хуань взглянула на меня искоса: «Кто тебе поддаётся?»

Я указала на её ноги, небрежно болтавшиеся у стремян, — носки были направлены вниз, будто она вообще не прилагала усилий.

Вэй Хуань, проследив за моим взглядом, поспешно подняла носки и прижала их к бокам лошади, с достоинством заявив: «Если бы мы соревновались в верховой езде, я бы не скромничала. Но в стрельбе я действительно не сильна». Затем она усмехнулась: «Не то чтобы я хвасталась, но стремена мне для езды не нужны, а уж для стрельбы — и подавно». Желая доказать свои слова, она вставила ноги в стремена, уверенно выпрямилась во весь рост, натянула лук и, указав подбородком вперёд, сказала: «Попаду в тот ствол». Стрела вылетела с молниеносной силой и действительно вонзилась в дерево, но не в могучий ствол, на который она указывала, а в тоненький молодой побег рядом.

Я смотрела на неё, разинув рот, пока она, ни капли не смутившись, не вернулась к своей расслабленной позе. Наконец я вымолвила: «Все говорят: верховая езда да стрельба из лука. А ты, выходит, только ездить умеешь?»

Вэй Хуань усмехнулась: «Дети из бедных семей, которые могут взобраться на лошадь и отличить ворота для поло от дырки в заборе, уже молодцы. Где уж тут учиться чему-то ещё?»

Я скривила губы, едва сдержав желание сказать, что если родственники клана Цуй, занимающие седьмой ранг, считаются «бедными», то во всей великой Тан, кроме императорской семьи, и вовсе нет богатых. Потом подумала: а ведь я как раз и есть одна из этих «богатых». Вэй Хуань проиграла пари, но всё равно умудрилась меня поддеть. С другой стороны, она действительно не стала мне уступать из-за моего статуса, и это меня немного утешило, даже раздражение от встречи с У Миньчжи поутихло. Я улыбнулась ей: «Напиши за меня три рассуждения на заданные темы, и всё время, что мы здесь, мой пруд в твоём распоряжении. Договорились?»

Вэй Хуань ответила: «За целый год Ваше Величество велела тебе написать всего одно, да и то всего сорок строк. Откуда возьмутся три?»

Я рассмеялась: «В этом году одно, но кто знает, сколько будет в следующем? Даже если в следующем будет одно, есть ведь и год после него. В любом случае, сделка выгодная. Берёшься? Напишешь хорошо — не только прудом пользоваться разрешу, но и сама буду помогать тебе одеваться. Ну как?»

Вэй Хуань фыркнула: «Словно кто-то нуждается в твоих услугах».

«Ну так ты согласна?» — не отставала я.

Вэй Хуань легонько взмахнула рукой, и кнут описал в воздухе красивую дугу, чмокнув по крупу лошади. Та рванула вперёд, и среди деревьев разнеслось громкое «Согласна!», эхом отражаясь в ветвях.

Дворец Сянчэн, хоть и звался императорской резиденцией, был куда скромнее Дворца Дамин. Моё жилище представляло собой обычный двор, где, помимо двух горячих источников, постройки мало чем отличались от домов знати. Величие Дамина здесь напоминали лишь обилие золота и нефрита: цветочные изгороди — не ниже трёх чи, вазы — обязательно парные, свитки — непременно древние, цветы — ароматные и яркие, занавеси — из шёлка или парчи, да и те не однотонные, а с вышитыми драконами да фениксами, будто без этой мишуры нельзя было явить императорское достоинство.

Самым примечательным в этом дворе были два пруда — большой и малый. Большой, два чжана в длину и ширину, питался водой из горячего источника. Вода была лишь тёплой, с желтоватым оттенком, и даже пар над ней казался чуть желтоватым. Малый пруд, около одного чжана, наполнялся водой из безымянного ручья поблизости — большинство рек вокруг резиденции делили между собой многие семейства, но этот ручей протекал в запретной зоне, охранялся особо и питал только этот пруд. По обеим сторонам пруда было восемнадцать драконьих голов: девять для впуска воды, девять — для выпуска. Впускные отверстия были устроены в три яруса, каждый выше предыдущего, с углублениями между ними, где была натянута тончайшая ткань. Вода в ручье и так была прозрачной, но, пройдя сквозь эти слои, становилась кристально чистой. На выходе стояла лишь одна прочная сетка — чтобы ничего из внутренних покоев не унесло наружу. Под прудом, должно быть, были скрыты какие-то механизмы, потому что вода всегда оставалась горячей. Слуги регулярно бросали в неё лепестки, и всё помещение наполнялось ароматом.

Оба пруда располагались у восточного чайного павильона, который был устроен как крытая галерея и соединял водоёмы с главным зданием. Вокруг прудов стояли деревянные ширмы, но, поскольку двор и так был обнесён стеной, они были сделаны на скорую руку: лишь несколько стен с проёмами и ажурной резьбой по краям, а в центре — изображения знатных дам, сцены игры в конное поло и тому подобное. Стены эти были поставлены с изгибами, так что казались не стенами, а настоящими ширмами. Со стороны, где стены отсутствовали, висели бамбуковые шторы, а за ними — шёлковые занавеси. В ясный день шторы поднимали, занавеси опускали, и свет, проникая внутрь, заставлял воду в прудах переливаться, словно драгоценный камень. Поэтому их и прозвали «водяными нефритовыми прудами», а вместе с чайным павильоном — «павильоном Шуйюй».

<http://bllate.org/book/16278/1466023>